

Прямые контакты Баку – Степанакерт

В отличие от ряда западных партнеров, переменчиво относившихся к прямому общению между сторонами в карабахском конфликте, российские посредники не только позитивно, без какой-либо ревности воспринимали их самостоятельные контакты и договоренности между собой, но наоборот – однозначно стимулировали их, побуждали стороны к этому. Мы просили только информировать нас об итогах. Прямые контакты между сторонами обрели особенно важное значение после того, как команда А. Эльчибея дважды (в сентябре 1992 г. и апреле 1993 г.) фактически прерывала минский переговорный процесс. Мы учитывали это и в своем посредничестве.

В то время речь шла, прежде всего, о контактах Баку–Степанакерт, поскольку Ереван еще тешил себя надеждой остаться за спиной карабахцев и изображал, будто конфликт имеет место лишь между Баку и Степанакертом, а Армения – только содействующий мирному урегулированию участник МГ СБСЕ. Истина многогранна: объективно верная установка на прямые контакты Баку–Степанакерт вместе с тем была для Еревана ширмой не слишком хитрой политико-дипломатической игры. Нам стоило немалых усилий показать Еревану невозможность удержаться на этой лукавой позиции «стороннего». Поэтому задача нормализации обстановки на армяно-азербайджанской границе служила и повышению роли самой Армении в переговорах с Азербайджаном.

Одна из главных процедурных трудностей урегулирования по Карабаху, давно ставшая политической, – это намеренное искажение конфигурации конфликта сначала больше Ереваном, а потом

все больше Баку. Тщетны были попытки Еревана изображать почти непричастность к конфликту. Тщетны и многолетние попытки Баку игнорировать Степанакерт, утверждая, будто конфликт связан напрямую лишь с Арменией. Опасаясь притязаний НК на государственность и статус субъекта международного права, Г. Алиев после некоторых колебаний и противоречивых высказываний не захотел признавать его даже стороной в конфликте и с октября 1993 г., вопреки обеим «маршрутным картам» и своей личной договоренности с Кочаряном в Москве в конце сентября, избежал прямых контактов с лидерами НК.

Это на много лет серьезно осложнило переговорный процесс, тормозит урегулирование, противоречит подходу СБ ООН и руководства ОБСЕ, собственному подходу Баку к контактам со Степанакертом ранее, а также практике политического улаживания многих других конфликтов. Парадокс в том, что Баку будто бы стремится ускорить урегулирование, а на самом деле затягивает его и фактически помогает армянам, которых же обвиняет в том, что те «тянут время».

* * *

Бывший посол России в Армении В.П. Ступишин в своих мемуарах «Моя миссия в Армению» довольно подробно (но с рядом неточностей) описывает становление этих контактов между Баку и Степанакертом, задиристо швыряя стрелы в адрес МИД России, который будто бы не заметил или даже проигнорировал завязывание прямых контактов. Русское слово «напраслина», пожалуй, самое мягкое из того, что можно сказать об этом.

Он мог и не знать, что первые прямые конфиденциальные контакты между официальными представителями Азербайджана и Нагорного Карабаха прошли именно в Москве (15 сентября 1992 г. встретились посол АР в РФ Хикмет Гаджизаде и «советник председателя ГКО НКР по внешнеполитическим вопросам» Аркадий Гукасян).

Другая подобная встреча состоялась 10–16 апреля 1993 г. В эти дни в Москве при посредничестве МИД России проходили закрытые переговоры личных представителей президентов Азербайджана и Армении и высшего руководства Нагорного Карабаха с целью разработки соглашения о прекращении огня (Х. Гаджизаде, Д. Шахназарян, А. Гукасян). Как и в январе 1993 г. на московских переговорах в формате «5+1», Баку снова дезавуировал своего представителя Х. Гаджизаде, посмеявшегося согласиться с рассмотренными проектами документов. Несмотря на то, что на сей раз он имел даже письменный мандат президента А. Эльчибея!

Оба эти прецедента имели место еще при нем. Абульфаз Эльчибей, как и «ранний» Гейдар Алиев, не отвергал столь категорично, как «поздний», контактов с карабахскими армянами. При разрастании вооруженного конфликта, особенно при неважных делах на фронте, руководство Азербайджана шло на контакты с лидерами армян НК, а при Г. Алиеве само стало выходить на них, иногда напрямую, минуя МИД России. Эти две стороны конфликта постепенно начинали общаться между собой по телефону или факсу. Чаще по инициативе Баку; карабахцы реже сами выходили на связь, чтобы не выглядеть просителями.

Понятно, психологически путь к этим контактам был не из легких. Не так просто было тогда добиться, чтобы один позвонил другому. Первый телефонный разговор при нашем косвенном подбадривании состоялся между высшими военачальниками – и.о. министра обороны Азербайджана С. Абиев вышел на «министра обороны» Нагорного Карабаха С. Саркисяна 27 июня 1993 г. по ВЧ-связи (эта общесоюзная сеть еще охватывала столицы некогда союзных республик и другие города, включая Степанакерт).

Во второй половине 1993 г. азербайджанская сторона стала проявлять известную заинтересованность в ограничениях и временных приостановках боев, ибо инициатива на фронте переходила к армянам. Выше уже отмечалось, что при посредничестве России Баку оформлял первые договоренности об ограничении военных действий или прекращении огня как раз со Степанакертом (вообще без участия Еревана). К тому же вскоре в Азербайджане были назначены референдум по мандату Эльчибея (на 29 августа), а потом выборы нового президента АР (на 3 октября). Г. Алиеву и властям Баку в тот период явно не хотелось обострения военной ситуации.

В переписке с карабахцами (как прямой, так и через посредника) азербайджанцы, как правило, использовали официальные бланки, обозначали карабахских армян термином «сторона». Постепенно четче становились адресовки (например, «Министерство обороны Нагорного Карабаха»; «Руководству Нагорного Карабаха»).

Однажды Г. Алиев (скорее всего, по недосмотру) даже подписал полномочия на проведение переговоров с «НКР». Понимая бессмысленность политизации явного недогляда им лишней буквы, я позвонил ему и вскоре получил по факсу новый мандат за его подписью, но уже без буквы «Р». Но потом выяснилось, что первый вариант мандата уже был послан в Степанакерт. Правда, карабахцы никак не стали обыгрывать эту промашку Баку. Разумеется, было бы наивным преувеличением усматривать в подобных вынужденных или опрометчивых штришках какие-то ростки признания «НКР», а тем более ее государственности, но это под-

тверждало, что Баку воспринимает карабахцев противоборствующей стороной.

Азербайджанцы тогда выставляли в качестве таковой Армению в основном в пропаганде, а в оперативные документы по ограничению военных действий на фронте и не пытались включать какие-либо элементы, связанные с Ереваном. Разворот в сторону провозглашения Армении конфликтующей стороной и отказа признавать НК в этом качестве пришел позднее, после захвата армянами юго-западных районов Азербайджана осенью 1993 г. Об этом – ниже.

* * *

В.П. Ступишин признает, что в июле-августе 1993 г. был в Москве в отпуске и поэтому описывает ход событий по документам и со слов их очевидцев и участников. При падении Агдама 23 июля я тоже был не на месте событий, а в Риме на встрече МГ СБСЕ, но по возвращении смог полнее разобраться в них.

В отличие от версии Ступишина, прямые контакты между Баку и Степанакертом начались не с послания командующего армией самообороны НК С. Бабаяна и.о. министру обороны АР С. Алиеву 24 июля. Сначала в тот же день состоялся телефонный звонок С. Абиева К. Бабуряну, недавно сменившему Г. Петросяна во главе парламентской структуры НК. На самом деле Абиев и направил первое послание по факсу, но со странной адресовкой: «Верховный Совет Республики Армения для господина Бабуряна К.». Он предлагал в тот же день с 16 часов прекратить на три дня любые наступательные операции, ракетные, артиллерийские обстрелы и воздушные бомбардировки и упоминал возможность договоренности о встрече, но какой именно – не уточнял.

Карабахцы «подкорректировали» С. Абиева и в адресовке, и по смыслу. С. Бабаян в своем факсе Абиеву отодвинул на восемь часов вступление уговора в силу (то есть с 00 часов 25 июля) и уточнил, что в эти три дня «будет достигнута договоренность о встрече руководителей Азербайджана и Нагорного Карабаха». Как раз в полночь на 25 июля Абиев, включив эти поправки, послал новый факс в «Министерство обороны Нагорного Карабаха, командующему армией С. Бабаяну».

На брифинге представитель МИД Армении с удовлетворением отметил, что это первая попытка самих сторон конфликта самостоятельно решить вопрос о перемирии – без посредников.

Как видно из факсов, сторонам пригодились некоторые формулировки, наработанные с ними ранее российским посредником, но они допустили явную нечеткость, условившись, что при дости-

жении договоренности о встрече на высшем уровне «прекращение огня автоматически продлевается до 24.00 дня ее проведения». На самом деле их договоренность не предусматривала полного прекращения огня! Потенциально в каких-то случаях подобная неточность могла привести к опасным недоразумениям, к новым взрывам недоверия между сторонами, но обошлось.

27 июля Баку и Степанакерт обменялись списками участников прямой встречи и взаимно гарантировали безопасность на контролируемой ими территории в прифронтовой зоне у высоты 482,2 в районе Мардакерта.

Именно там, у развилки дорог, в 16 часов 28 июля 1993 г. прошла встреча «официальных лиц Азербайджана и Нагорного Карабаха». От АР в ней приняли участие: и.о. министра обороны С. Абиев, государственный министр И. Алиев, зампред Госкомитета по делам военнопленных и заложников И. Кязимов, представитель МИД Т. Зульфугаров и в качестве секретаря Н. Талыбов; от Нагорного Карабаха: «министр обороны НКР» С. Саркисян, назначенный буквально накануне «министром иностранных дел НКР» А. Гукасян, «председатель главного управления национальной безопасности» К. Абрамян, «замминистра внутренних дел» А. Агасярян, секретарь А. Мелик-Шахназаров.

За 1 час и 20 минут встречи были обсуждены вопросы продления прежних ограничений боевых действий, сроков проведения встречи высших руководителей АР и НК, обмена военнопленными и другие. Карабахцы представили проекты соответствующих договоренностей, но азербайджанцы сослались на то, что не уполномочены подписывать на месте какой-либо документ. Тогда С. Саркисян передал подписанный им текст соглашения о продлении ограничения военных действий, который С. Абиев все же подписал в Баку в ночь на 29 июля (видимо, по получении согласия Г. Алиева) и перебросил затем в Степанакерт по факсу. В нем продлевалась договоренность от 24 июля на 7 дней, в течение которых уполномоченные на то официальные представители обеих сторон должны были достигнуть соглашения о предстоящей встрече на высшем уровне руководителей АР и НК. (На сей раз была устранена нечеткость насчет прекращения огня – продлены запреты лишь на те военные действия, о которых договорились ранее). Немаловажные детали: документ был назван соглашением, а под автографами С.Абиева и С.Саркисяна соответственно значилось «За Азербайджан» и «За Нагорный Карабах».

В дальнейшем в центре внимания всех встреч и контактов между азербайджанцами и карабахцами были проблемы прекращения огня и того или иного признания карабахской стороны со стороны бывшей метрополии.

После захвата армянами Агдама в июле 1993 г. ложный сигнал в данном вопросе послала в Баку минская «девятка». При подготовке в Риме предложений к проекту резолюции СБ ООН западники отвергли наш призыв к прямым контактам между сторонами. В ответ на наши возражения Дж. Мареска заявил, что это было бы «поощрением захватчиков». (К счастью, ошибку минской «девятки» удалось поправить в Нью-Йорке: СБ ООН в резолюции 853 призвал стороны к прямым контактам!).